

ПИСЬМА ЛЮДВИГА ЧЕРНЕЦКОГО

Публикация Я. И. Линкова

Людвиг Чернецкий (1828—1872), польский эмигрант, участник революционного движения, бессменно заведовал Вольной русской типографией с самого ее основания — сначала в Лондоне, а затем в Женеве. Его бескорыстная преданность делу, самоотверженность в труде и исполнительность высоко ценились Герценом. Обращаясь к Чернецкому, он писал в предисловии к сборнику, посвященному десятилетию Вольной русской типографии (1863): «Дайте вашу руку на новое десятилетие и не сердитесь, что я повторяю всенародно то, что я вам сто раз говорил наедине. Помощь, которую вы мне сделали упорной, неусыпной, всегдашней работой, страшно мне облегчила весь труд. Братская вам благодарность за это; в лице вашем польская помощь и участие в нашем деле не перемежались... Спасибо вам!» (XVI, 130).

Публикуемые нами шестнадцать писем Чернецкого к Герцену и Огареву* относятся к 1865—1869 гг.; они затрагивают вопросы издания «Колокола» в последние годы его существования и судьбу Вольной русской типографии после ее перевода из Лондона на континент, в Женеву. То, что было известно о деятельности и финансовом положении Вольной русской типографии из ранее изданных писем Герцена и Огарева и других источников, получает существенное дополнение в этих письмах.

Вместе с тем, они содержат интересный материал для характеристики их автора как ближайшего сотрудника Герцена по издательской деятельности.

Вторая половина шестидесятых годов, когда написана большая часть писем Чернецкого, была временем упадка Вольной русской типографии. Разгром русских революционных организаций и наступившая реакция нарушили русские связи Герцена и Огарева и обусловили резкое сокращение выпуска изданий Вольной типографии. Стремясь восстановить все более слабеющую связь с родиной, Герцен перенес в 1865 г. типографию из Лондона в Женеву, где он надеялся привлечь к участию в своих периодических изданиях, и в первую очередь в «Колоколе», русскую революционную эмиграцию, обосновавшуюся в Женеве. Однако принятые меры не имели успеха. Без живых связей с Россией журнал не мог быть боевым органом революционного движения. Выпустив 1 июля 1867 г. 244-245-й лист «Колокола», Герцен и Огарев, как известно, прекратили издание газеты. Не дало благоприятных результатов и предпринятое в 1868 г. издание «Колокола» на французском языке.

Каково же было отношение Герцена к задачам типографии и ее работе в период, затрагиваемый письмами Чернецкого?

И после переезда на континент, когда с мая 1865 г. Вольная русская типография начала работать уже не в Лондоне, а в Женеве, Герцен не ослабил заботы о ней. Правда, его заботы приняли теперь несколько иные формы. Это объясняется, помимо всего прочего, и тем, что Герцен бывал в те годы большей частью вне Женевы, в постоянных разъездах по Западной Европе. С конца 1864 — начала 1865 г. Герцен стремится меньше заниматься организационно хозяйственными делами, связанными с типографией. Еще до перевода типографии в Женеву, в связи с обсуждением проекта превращения ее в акционерную компанию в письме к Огареву от 12 января 1865 г. Герцен писал: «Заведовать морально буду я, голландскою сажей <т. е. непосредственным производственным процессом> — Чернецкий, Кас<аткин> associé**» (XVIII, 14).

Проект превращения Вольной русской типографии в акционерное общество, разработанный Герценом, Огаревым и Касаткиным как мероприятие для усиления ее деятельности, был принят тогда же (в январе 1865 г.), но функционировать на новых основаниях типография начала лишь осенью 1865 г. Чернецкий вошел в число учредителей общества, наряду с Герценом, Огаревым, В. И. Касаткиным, П. В. Долгоруковым и В. Ф. Лугининым (см. выше публикацию писем В. И. Касаткина).

* Всего в «пражской коллекции» сохранилось 18 писем Чернецкого к Герцену и Огареву. Два письма к Огареву 1869—1870 гг. печатаются в отделе сообщений, на стр. 700 и 711—712 настоящего тома.—Ред.

** компаньоном (франц.).

В качестве одного из средств оживления все более суживавшейся сферы издательской деятельности типографии в январе 1866 г. была предпринята попытка принимать заказы не только на русском, но и на польском, сербском, французском и английском языках, о чем было помещено объявление в л. 212 «Колокола».

Однако превращение Вольной русской типографии в акционерное предприятие не дало ожидаемых Герценом результатов и мало что изменило в фактическом положении дел. «Дела типографии идут очень дурно, она вся снова упала на мои плечи», — писал Герцен сыну в апреле 1866 г. (XVIII, 373). В середине 1866 г. Герцен передал типографию в собственность Чернецкому. Но и это, казалось бы, радикальное мероприятие не избавило Герцена от дальнейших забот о ее судьбе.

«Плохо идут дела типографии, и я не придумаю, что сделать», — сообщал он в начале января 1867 г. Тхоржевскому (XIX, 180). В том же духе писал он через несколько дней Огареву: «Дела типографии идут плохо. Пора и ее сдать в архив. Подумай об этом» (XIX, 181). Не принес перемен и следующий год. «...В нынешнем <1868> году, — писал он Огареву, — вся печать „Кол<о>кола“ и „Пол<ярной> зв<езды>“ на моих плечах, а я не Раппо*, поднимавший карету шестериком, нагруженную свинцом» (XXI, 14).

Плачевное положение типографии определялось тем, что она никогда не была и не могла стать коммерческим предприятием. Типография хорошо работала в годы успеха лондонской пропаганды и оказалась в тяжелом положении, когда пришли трудные времена для «Колокола». И революционер Чернецкий, так много сделавший для Вольной типографии в период расцвета пропаганды Герцена и Огарева, оказался совсем непригодным для роли «хозяина» коммерческого предприятия. Все время после передачи Вольной русской типографии Чернецкому ею непрерывно занимались Герцен и Огарев, и передача была только номинальной.

Чернецкий отдавал себе в этом отчет. Он сам называет себя в одном из публикуемых писем «номинальным акционером» (см. ниже, стр. 254). На почве постоянных затруднений у Чернецкого не раз возникали недоразумения с Герценом.

Судьба типографии и ее «хозяина» никогда не переставала самым живым образом интересоваться Герцена. В частности, он рекомендовал Чернецкому для поправления дел попытаться соединить типографию с каким-либо издательским предприятием в Женеве или другом городе, надеясь, что это поможет ей выйти из того тупика, в котором она находилась.

В письмах Герцена к Огареву, жившему в то время в Женеве, можно найти и другие проекты. «На обороте ты прочтешь мой ультиматум Чернецкому, — пишет Герцен Огареву 17 марта 1869 г. — Отошли его ему и пригласи гуманно потолковать. Я готов ему сейчас прислать 500 и по окончании ликвидации 500 — разумеется, в полный квит. Уговори его продать или идти в типографию к другому. Он не вынырнет. Все, что мы печатаем за границей по-русски, — филантропия и себяобман, — ничего не идет» (XXI, 328). Герцен выдвигал один за другим проекты объединения или же передачи типографии другому владельцу. В письме к сыну от 18 июня 1869 г. он писал: «Несмотря на то, что ты почти совсем не пишешь, я пишу о разных делах и начну с самого важного, о чем прошу очень обдумать и отвечать очень внимательно. Есть некий Гау, издатель библиографических книг. Он печатает уже четыре года у Чернецкого и теперь заводит книжную лавку или издательскую в Генуе, куда и едет через месяц с семейством. Этот Гау предлагает Чернецкому перевести типографию в Геную и ассоциироваться с ним. Работы у него на два года вперед есть. Чернецкий может ассоциироваться или начать на свои деньги». Далее Герцен детализировал свое предложение: «Не хочешь ли ты вступить особо в ассоциацию с Чернеким и тем отстранить меня вовсе и самому вести дело с ним на торговом основании? Я мог бы тогда сделать опыт и выделить сначала 5000 тебе... потом усилить, если пойдет. Контроль и участие в ведении типограф<афии> непременно должны равно принадлежать тебе и ему». Герцен особо отмечал в этом письме: «Боясь для Чернец<кого> незнания языка и его непривычки к делам, зато за честность его можно отвечать» (XXI, 397—398).

* Раппо — известный силач. — Ред.

Ни один из многочисленных проектов подобного рода так и не был осуществлен.

На протяжении этих лет всплывали и другие планы загрузки типографии. В январе 1869 г. Герцен в письме к Огареву, отмечая большой успех в «молодом Париже» отрывков из «Былого и дум», напечатанных во французском «Колоколе», выдвигает предложение выпустить их отдельным изданием. «Тогда Чернецк<ому> работы на два года» (XXI, 278). Но и это намерение не было осуществлено.

Для оказания любой реальной помощи типографии Герцен всегда был готов идти на серьезные материальные затраты. «Если Чернецкий возьмет работу срочную с уступкой, я готов взять на себя уступку на целый год», — писал он Огареву в марте 1869 г. (XXI, 329). Финансовая поддержка Герценом типографии и лично Чернецкого во второй половине шестидесятых годов носила систематический характер и принимала разнообразные формы. О том, как она осуществлялась практически, можно судить по письмам Герцена к Огареву. В одном из них, извещая о своем согласии дать необходимую Чернецкому в тот момент сумму (1500 франков), Герцен писал: «Весь спор последнего времени состоял у меня с ним <Чернецким> в том, что он требовал деньги займы, а я их давал, говоря, что это мое ему приношение» (XXI, 95).

Среди многих ассигнований Герцена на типографию в этот период можно упомянуть 4500 франков, выданных в начале 1868 г. Чернецкому «на его искупление из Banque Suisse*» (XXI, 253). Чернецкий в письме от 31 октября 1869 г. (см. ниже) исчислял полученную им от Герцена за пять лет «субсидию» в 5000 франков.

В августе 1869 г. Герцен, вновь и вновь возвращаясь к вопросу финансирования типографии, писал Огареву: «Чернецкому 3000 (и больше) дать готов <...> под залог с пятью %. И для него я сделал все до сатурации**». Если хочет, пусть пишет подробно» (XXI, 422).

Необходимо заметить, что Герцену хотелось, в частности, объединить типографию с другой Женевской эмигрантской типографией, принадлежавшей группе «Народного дела». В письме к Утину в июле 1869 г., посвященном очередному проекту объединения типографий, Герцен писал: «Я, с своей стороны, и теперь *считаю непоследовательным, что люди, понимающие экономическую сторону вопросов, дробят материальные силы, вместо того, чтобы их соединять*. Мысль о соединении типографии не Бакунина, а моя. Может, было бы хорошо, если бы Трусев еще поговорил с Чернецким» (XXI, 414. Курсив наш. — Я. Л.).

В январе 1869 г. типография Чернецкого осталась без всяких заказов, рабочих пришлось распустить, остался лишь один наборщик — серб Данич.

В августе 1869 г. Герцен в письме к Огареву с грустной иронией замечал: «... У меня Тхоржевский и Чернецкий с типографией, в которой ничего не печатается, и с швейцарами, стоящими у поезда <подъезда?> к Альпам» (XXI, 424).

В 1872 г., незадолго до смерти, Чернецкий продал типографию, сыгравшую такую славную историческую роль в русском революционном движении. (О судьбе Вольной русской типографии в конце шестидесятых годов см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 365—573; т. 41-42, 1941, стр. 18, 25).

Итак, на каких формальных условиях ни существовала Вольная русская типография во второй половине шестидесятых годов: находилась ли она в ведении акционерного общества, была ли собственностью Чернецкого — это не меняло существа дела, и Герцен до последнего дня своей жизни не выпускал ее из поля своего зрения. Он держал типографию при себе, не теряя, как видно, надежды вновь широко использовать ее печатные станки для великого дела политического освобождения России, как это было в годы демократического подъема конца пятидесятых — начала шестидесятых годов. Именно это решающее обстоятельство объясняет подлинную суть отношений, существовавших между Герценом и Чернецким, тот основной мотив, который определял кровную заинтересованность Герцена в делах типографии. Все это нашло отражение в публикуемых письмах.

* Швейцарского банка (франц.).

** насыщения (от франц. «saturation»).

Они свидетельствуют вместе с тем и о постоянной заботе Герцена лично о Чернецком как о близком и преданном человеке и соратнике по революционной борьбе, с которым была связана деятельность Вольной русской типографии.

В долголетнем сотрудничестве с Герценом скромного труженика революции — Чернецкого — мы видим и один из конкретных примеров русско-польского революционного союза в действии.

ИЗДАНИЕ «КОЛОКОЛА» НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

№ 1 от 1-го января 1868 г.

До настоящего времени письма Чернецкого к Герцену в печати не появлялись, и среди корреспондентов Герцена имя Чернецкого не значилось. Однако публикуемыми письмами переписка его с Герценом не исчерпывается. Что касается писем Герцена к Чернецкому, упоминания о которых встречаются в настоящей переписке, в переписке Герцена с Огаревым и в других источниках, то ни одно из них не обнаружено.

Письма Чернецкого написаны на русском языке, которым он не вполне свободно владел; они изобилуют полонизмами, что иногда затрудняет их понимание. Неправильности и особенности языка Чернецкого при публикации нами сохранены. Исправления внесены только в его орфографию и пунктуацию.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 120 и 139).

1

ГЕРЦЕНУ

Женева, 11 мая 1865. Четверг утром

Мне бесконечно жаль, что простое объяснение мое вы приняли за какую-то недостойную месть, между тем как все это — одно недоразумение. Делая замечание насчет великих трат в Англии¹, вы, кажется, не думали о взыскании долга, в то время как об уплате его была постоянная моя забота. К тому же ваша гуманность и общий интерес, соединяющий очень часто больших и маленьких людей, может быть, не всегда допускали ту разницу, которая существует между людьми и по образованию, и по общественному положению, и по состоянию, несмотря на всю свободу, равенство и братство, в то время как она у меня постоянно на глазах.

Что отчасти оно так, это доказывает отвергнутое вами, может быть, не совсем скромное предложение мое покончить наши счета разом, но которым я вовсе не думал стирать двенадцатилетние отношения наши, которые я считаю моим единственным достоянием и во имя которых, я надеюсь, вы не захотите, чтоб я жил не своим трудом, и чтоб дефицит последних двух лет пал исключительно на ваш карман.

Преданный вам

Чернецкий

P. S. Сегодня вечером я бы с удовольствием пришел к вам, но что мне делать при господине, с которым вы будете толковать по-французски насчет легитимации типографии². Позвольте уж в другой день придти к вам.

¹ «Переезд Чернецк<ого> и типографии поглотил страшно много денег», — писал Герцен сыну 18 апреля 1865 г. (XVIII, 86). Ср. также в письме к Огареву от 10 апреля того же года («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 394).

² Речь идет очевидно о каких-то формальностях, связанных с пуском переведенной из Лондона типографии.

2

ГЕРЦЕНУ

<Женева.> Суббота вечером, 28 октября 1865

Третьего дня я заходил к вам поговорить о делах типографии по поводу отказа В. И. Касаткина больше заниматься ее администрацией¹. Но вы были не совсем здоровы, и у меня голова болела, и предмет-то был вовсе не весел.

Обидчивость Виктора Ивановича большей частью, как мне кажется, — следствие его коммерческого взгляда на дела типографии и незнания, что я только номинальный акционер, а сущность принадлежит вам, как это оказалось по сведенным с вами счетам с переезда в Женеву. Стало, я тут не имею никаких выгод как акционер. Пусть же Виктор Иванович знает, что, трудясь в продолжение двенадцати лет для свободного русского слова, я исполнял только обязанность человека, любящего свою родину и желающего принести ей лепту скромного и убогого труда. Я всегда мало заботился о материальной стороне жизни, а смотрел больше за пользой общего дела. Я мог ошибаться, но таково было мое понимание и такова вера.

Если б я думал иначе, у меня, наверно, было бы пятьсот фунтов стерлингов в банке, как меня подозревали мои соотечественники в Лондоне, и в Женеве не стал бы трудиться из-за 200 франков в месяц, которых не хватает на самую скромную жизнь, лишенную всякого удовольствия; трудясь с раннего утра до ночи и исполняя всякую должность, начиная

с директора Вольной русской типографии, как выразился сумасшедший Шапошников², и оканчивая подметыванием ее, открыванием и закрытием ставней. Но я вовсе не роптаю на это и не унижаюсь этим, это участь всех неимущих, честных, но глупых людей, но я не хочу, чтоб кто-нибудь, особенно люди, которых я еще уважаю, принимали меня за какого-то коммерчески-политического спекулянта.

Поэтому я вас раз еще искренно прошу уволить меня от почетного имени акционера и положительно отказываюсь от всякого участия в заседаниях общества.

Двадцать пять акций³, т. е. сумму моего долга, которые вы недавно прислали мне через Тхоржевского, опять вам возвращу назад при первом свидании, с просьбой оставить их у себя до тех пор, пока я вам не уплачу долга.

Об условиях моих на второе полугодие, чтоб продолжать заниматься типографией и ее администрацией, напишу Обществу акционеров в другой раз, а пока дружески прошу извинить мою откровенность, слишком наболело на душе.

Весь ваш

Чернецкий

P. S. Завтра вечером печатник⁴ сам зайдет за «Колоколом», будьте добры приготовить его к этому времени.

¹ О взаимоотношениях В. И. Касаткина с Вольной русской типографией см. в публикации его писем к Герцену и Огареву на стр. 247—249 настоящего тома.

² Шапошников — лицо неустановленное.

³ Речь идет об акциях Вольной русской типографии. Двадцать пять из них были предоставлены Чернецкому (см. в настоящем томе на стр. 247 и предисловие к настоящей публикации).

⁴ Печатник — см. примеч. 2 к письму № 16.

3

ГЕРЦЕНУ

Chemin du Marché, № 1 Pré-l'Evêque, Genève
Пятница, 3 ноября 1865 г.

Тхоржевский сказал мне сегодня утром, что вы завтра едете где-то на неделю, поэтому спешу дружески извиниться перед вами и Николаем Платоновичем за мое объяснение в прошлый понедельник, которое, может быть, лишено тех мягких и изящных форм, к которым вы оба и все семейство привыкли, помешало на минуту гармонии вашего светлого кружка. Раз еще дружески прошу извинить.

Но так как вы все оставили на мою совесть и рассудок, то я много думал с тех пор и решил принять все доброе, сделанное вами не только для общей свободы нашей, но и для меня лично, со всеми замечаниями вашими, справедливыми или несправедливыми.

С другой стороны, взявши во внимание, что в продолжение двенадцати лет, трудясь для русского свободного слова, я извлекал не только насущный, но и духовный хлеб, и что вдвоем, не бог знает с какими нуждами, нужно очень мало, я решился просить вас и все представительство русской свободной мысли принять двадцать акций в пользу общего дела пропаганды как искреннее пожертвование. Пять же акций я желал бы оставить за собой, чтоб расплатиться с квартирой за прошлые и будущие шесть месяцев и с В. И. Касаткиным.

Будь же то мое искреннее прошение, не в упрек кому бы то ни было, а к великому прискорбию моему, отвергнуто русской свободной мыслию, то я решился, за вычетом нужных мне пяти акций, т. е. 1000 франков, и за вычетом 30 фунтов стерлингов, или 750 франков, заплаченных

за переезд мой с мебелью, пожертвовать остальное, т. е. 3250 франков в пользу польской Батиниольской школы в Париже.

Конечно, сегодня акции эти — мертвая буква, а при ликвидации типографии выйдет, может быть, очень мало, но больше я не могу сделать и за будущее я не отвечаю. А пока я в ваших распоряжениях, буду продолжать, как я вам уже говорил и писал, трудиться с той любовью и интересом, как до сих пор, без всяких условий с моей стороны.

Весь ваш C z e r n i e c k i L o u i s

Р. S. За журналы премного благодарю. По пересмотрении передам их в клуб.

4

ГЕРЦЕНУ

⟨Женева.⟩ Воскресенье утром
12 августа 1866 г.

Многоуважаемый Александр Иванович,

Вчера, прочитавши вашу записку, я просил Н. П. Огарева передать вам слова два объяснения, что, в сущности, срок условия насчет отпечатания четвертого тома «Былое и думы» — новый год 1867¹, а не 10 числа августа 1866. Что, рассуждая вместе с вами о времени издания книги, я сказал, что ее очень легко издать к тем порам, считая даже не больше, как лист в неделю.

Поэтому грустно сделалось на душе от обвинения в нарушении условия, которое, как всякое нарушение условия, конечно, дело очень несправедливое. И, прочитав сегодня еще раз с должным вниманием вашу записку, я считаю нужным прибавить, что особенных причин на то, что, по вашему расчету, 1-й лист «Былого и дум» опоздал днем или двумя, — у нас в типографии нет.

Меры же (вероятно, заем 2000 франков), о которых вы говорите, ничего не переменили, т. е. ни прибавили, ни уменьшили работающих рук, и лучше совладать подробностями работ, как до сих пор и при настоящих условиях, признаюсь, я не чувствую себя способным. Об этом я уже писал в начале этой недели кн. П. В. Долгорукову² и теперь то же самое повторяю вам — я отдал мои лучшие силы и способности, больше дать не могу, Александр Иванович.

Временно приобретенные мною орудия работы легко передать в другие руки, тем паче, что «Колокол» вскоре будет издаваться на французском языке³, а мне позвольте считать ваше обвинение как заблаговременное уведомление, что я вам больше не нужен.

К новому году, а может и раньше, все работы будут кончены и всё приведено в надлежащий порядок.

Тхоржевский, как заинтересованная сторона, до сих пор еще не обвинил меня в нарушении условия.

Преданный вам

Ч е р н е ц к и й

Наталии Алексеевне с Лизкой⁴ наш дружеский поклон.

Ч е р н е ц к и й

¹ Четвертый том первого отдельного издания «Былого и дум» вышел из печати 1 ноября 1866 г.

² О П. В. Долгорукове см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 126—132 и на стр. 708—709 настоящего тома.

³ «Колокол» («Kolokol») на французском языке выходил с 1 января по 1 декабря 1868 г.

⁴ Наталья Алексеевна — Тучкова-Огарева; Лизка — Лиза, дочь Герцена и Огаревой. Чернецкий называет ее по-польски.

5

ГЕРЦЕНУ

〈Женева.〉 Вторник, 21 января 1868

Извините, что я вас потревожил моим письмом, в котором просил вас гарантировать 1000 франков в банке. Но раньше или позже пришлось бы это сделать, лучше же когда вы сами заговорили, наконец, об этом.

СТАНИСЛАВ ТХОРЖЕВСКИЙ

Фотография, 1860-е гг.

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Вчера я видел Николая Платоновича О〈гарева〉, и вот что он мне передал:

1. Что диспонибельного* капитала у вас нет, что едва сводите концы с концами и что если одолжите мне 1000 франков, то «Полярную звезду» нельзя будет напечатать, разве на деньги Бах〈метевского〉 фонда.

* наличного (от франц. «disponible». — *Ред.*).

2. Что насчет типографии он ничего придумать не может, а кроме осуществления счастливой мысли Тхорж(евского), другого выхода не видит¹.

Конечно, «на нет и суда нет». Но чтоб дело было ясно и понятно для нас всех, позвольте вам, Александр Иванович, представить его цифрами, начиная с переезда в Женеву и оканчивая 1 января 1868, не для того, чтоб вас уговаривать в чем бы то ни было, а просто как отчет общего труда и усилий, который будьте добры прочесть с вниманием и сохранить его.

Начнемте с общего взгляда на *Crédit* и *Débit*, т. е. *увеличение* и *расходы*:

a) Шрифт из Базеля для кв. Долгорукова	1000 fr.
b) » из Лондона для работ Гея ²	2029
c) » и кассы для него же из Базеля	150
d) Долг Ивановича ³ и других	1000

Итого 4179 fr.

Расходы, или

a) Долг банка в Женеве	3000
b) » Кеслону ⁴ за шрифты Гея	1642
c) » Naas et C ^e	150
d) Акции Касаткина	1100
e) Заем итальянских бумаг	450
f) Долг за бумагу в Невшателе	200
g) Жалование Даничу за три месяца	300
h) Квартира типографии и моя часть за полгода	375
i) Отопление обоих	100

Итого 7317 fr.

Баланс

Долгов (*Débit*) 7317 fr.

Увеличение (*Crédit*) 4179 fr.

3138 fr. дефицита

Сумма не так велика, когда вспомним, что в последние два года, особенно в последние шесть месяцев, работы почти не было, и если б можно было предвидеть какую-нибудь работу, то дефицит этот в два-три года легко покрыть.

Впрочем, всякий знает, и вы это понимаете, что каждое предприятие, особенно без достаточного запасного капитала, в первые два-три года ничего не выигрывает. Но тут-то и финал. Больше у меня не на что занимать, как вы увидите сейчас из расчета моего с вами. Вот он, *Crédit* и *Débit* наш:

Crédit

Типография до переезда представляла	5000 fr.
Новые шрифты по переезде, означенные в общем <i>Crédit a, b</i> и <i>c</i>	3179 fr.

Итого 8179 fr.

Долг банка в Женеве	3000
» Кеслову за шрифты	1642
» в Базеле » »	150
Акции Касаткина	1100

Итого 5892 fr. 5892 fr.

На остающиеся 2287

я вовсе не претендую, потому что типография без работ и без хода не стоит и той суммы, т. е. 5892 франков, которые придется вам со временем уплатить, как большей частью гарантированные вами и обеспеченные ее в отношении к вам с моей стороны. Поэтому с 1 мая я ее передам целиком и довольно хорошо теперь монтированную. Но так как у вас нет диспонибельного капитала, чтоб ее вести самому и я искренно желаю, чтоб вы ничего не потеряли, то я с приездом вашим в Женеву попробую перца.

Что же касается нового и последнего займа в 1000 франков, которые я у вас просил и которые мне необходимы в конце этого месяца, чтоб уплатить обе квартиры и жить нам самим, то они обеспечены работой Гейя и «Колокола» до 1 мая, как равно и 1000 франков, которые все-таки я надеюсь получить от Иовановича и других.

Плана на будущее у меня никакого нет и быть не может. Какая может быть будущность у работника в сорок лет, без особенных способностей и научного развития? Одно существование, сведенное на *minimum*, — вот и все, по крайней мере на 1868 год. Прежде я думал об Америке, хотя, признаться, симпатии к ней не имею, но теперь надо подождать, что будет с весной в Европе.

Как скоро прочтете «Прибавление»⁵, будьте добры возвратить его. Боюсь, что этот номер опоздает. Н. П. Огарев только вчера отдал начало своей статьи⁶. Сегодня обещал больше. Где Любанский⁷, бог его знает. Никогда не пишет своего адреса.

Цверцякевича⁸ увижу завтра.

Поклон Наталии Алексеевне с Лизой от нас всех.

Прощайте.

Л. Чернецкий

¹ Речь идет, очевидно, о каком-то предложении по улучшению деятельности типографии. Установить, в чем состояла «счастливая мысль» Тхоржевского, не удалось.

² Гей — женевский издатель, которого Герцен предполагал сделать компаньоном Чернецкого (см. выше вступительную статью к настоящей публикации и ХХІ, 397—398).

³ Владимир Иованович — сербский демократический деятель. Посетил Герцена в июне 1864 г. в Лондоне (ХVII, 266). В л. 167 «Колокола» за 1864 г. было напечатано объявление о предстоящем выходе в свет книги известного сербского патриота Владимира Иовановича «The Serbian nation and the Eastern question by Vladimir Jovanovich» («Сербский народ и восточный вопрос»). Книга рекомендовалась вниманию русских читателей (ХVI, 201). В л. 187 «Колокола» за тот же 1864 г. сообщалось об издании в Женеве сербского радикального журнала «Свобода» под редакцией Владимира Иовановича. Вольная русская типография выполняла, очевидно, какой-то заказ для Иовановича.

⁴ Кеслон — парижский книгопродавец и издатель.

⁵ «Русское прибавление к „KoloKol“», выходившее с 1 января по 15 июня 1868 г. Поскольку обсуждение содержания номера происходило в конце января (см. следующее письмо), речь может идти о втором или третьем номерах «Прибавлений», вышедших в свет 1 февраля и 1 марта 1868 г.

⁶ О какой статье Огарева пишет Чернецкий, неясно. В этих номерах «Прибавлений» нет ни одной статьи, подписанной Огаревым. Отсутствует в них и отдел «Смесь», для которого Огарев часто писал. Все статьи второго и третьего номеров «Прибавлений» вышли под псевдонимами. Возможно, что под одним из них скрывается Огарев. Так, Я. З. Черняк считал, что Огарев является автором второго ответа на письмо в редакцию «Колокола», помещенного в статье «Не для печати» в третьем номере «Прибавлений», и ему принадлежит криптоним I., который стоит под этим ответом (см. «Библиографическое описание произведений Н. П. Огарева в русской заграничной печати 1856—1870 гг.». Составил Я. З. Черняк. Рукопись. Не опубликована). Вопрос этот не может, однако, считаться решенным и требует специального исследования.

⁷ Любанский — лицо неустановленное.

⁸ Иосиф Цверцякевич — польский эмигрант, в 1863 г. уполномоченный представитель в Лондоне Временного польского правительства. Во второй половине шестидесятых годов жил в Женеве.

6

ГЕРЦЕНУ

〈Женева.〉 27 января 1868

Только сегодня утром я получил ваше письмо от 24 числа и спешу поблагодарить вас за ваше дружеское предложение, но должен сказать откровенно, что я не считаю себя вправе пользоваться больше вашей добротой, потому что нет возможности, даже с новыми пожертвованиями вашими, вести типографию без запасного капитала. Поэтому 1 мая, как я вам уже писал, ее надо или закрыть, или соединить с кем бы то ни было.

Во всяком случае с 1 мая я ее вам передам как обеспечение суммы 5892 франков.

Относительно 1000 франков, о которых я вас просил, они не входят в общую сумму долга, а обеспечиваются работами до 1 мая. Но так как срок на них очень не терпит и нет времени, чтоб их достать помимо вас, то я повторяю мою просьбу: одолжите ими до 1 мая.

Н. П. Огарев обещал сегодня принести недостающий материал в французский и русский «Колокол»¹, стало, передам ему, что я вам теперь написал, и услышу от него, что вы ему писали.

Может быть, и Тхорж<евский> придет, тогда передам ему вашу записку.

Наталии Алексеевне с Лизой наш поклон.

Преданный вам

Л. Чернецкий

Александр Ивановичу

¹ *Недостающий материал* — очевидно, статьи для № 4 «Kolokol», вышедшего в свет 15 февраля, и № 2 или № 3 «Русских прибавлений», вышедших 1 февраля и 1 марта 1868 г. В № 4 «Kolokol» было помещено продолжение очерка Огарева: «La Russie actuelle et son développement» («Современная Россия и ее развитие») и его же статья «La famine en Russie» («Голод в России»). Для «Русских прибавлений» Огарев принес, вероятно, окончание статьи, начало которой уже было ранее сдано Чернецкому (см. предыдущее письмо и примеч. 6 к нему).

7

ГЕРЦЕНУ

〈Женева.〉 40. Pré-l'Evêque
11 марта 1868

Я вам премного благодарен за облегчение, которое вы делаете, не нуждаясь теперь в уплате работами 1000 франков, авансированных в январе.

Остается только повторить то, что я вам писал в Ниццу, — что все мои усилия стремятся к одному — уплатить все долги типографии как можно скорее.

Надеюсь, что при постоянных работах в продолжение трех-четырех лет успею их все уплатить. А пока 3000 франков в банке, которые вы перевели на себя, и 1000 авансированных в январе считаю личным долгом своим, обеспеченным типографией. Все это не мешает вам не предоставлять за собой никакого права на нее, но для меня пока есть еще надежда на работы и силы для исполнения их, иначе считать нельзя.

Дружески жму вам руку.

Л. Чернецкий

40, Pré-l'Evêque, Genève
19 апреля 1868

Ніжні 25 сантиметри

№ 1.

Желва 1 Января 1868.

КОЛОКОЛЪ

Yiven Yoco!

(РУССКОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ)

“Российское Приближение” 25 0045-2325 ВЫХОДИТ НА ВСЕХ РУСС.

7. Genre (Suissin).

Passage 200: 23, Westcote H. George, Cornwall, 10, Gend. de l'Épiscopie
Librairie Internationale, 15, Montmartre, 15, Paris. 23, Westcote H. George
R. O. Peterborough Row, 60, London.

ОБЛАДАНІЕ. О записі "Космос" на ермунжковій мові — Нурелары III отдела — В. В. Кельнер — Коммунагосплан — "Росос" — Обмін фонд.

Пока общественное мнение не может переработать и обдумать все эти безудачные теории подполковника государства, мыслящего мизантропа или даже интеллигентного инстинкта, из которых вылезла прусский бонапартизм, сгубивший последние надежды Германии ее единство — с ним можно говорить трудно.

Правда, эти журналы, которые мы сейчас берем, и которые, к сожалению, в настоящее время походят на уличную кашу, которую поварья барабани, вы его ничуть не останавливая, пытаю и вы воображаете, что это все боясь и что мы нимало не знаем.

По счастью, кругом, издали, слышны и другие работы без шума и треска и тоже в самом деле выполняющиеся камнем и металлом болейшей точности.

Она выполняется трудно, иначе чем ожидали, чем
получить зарплатный смысл — все идет: проселками в
уверениях, на подходе к концу сновидения. К непонятным

Она как-то даже любит наступать в грязь (жаль что грязи ей не хватает от локтя крестца) и там так можно сухо провалиться — а и грязь чувствуешь грязь по колено и бедота по пояс. Главное — ишь бы она не оставалась одна.

Дело нашего *социального развития*, несмотря на *многообразие* ошибок, есть своим содержанием, но *безразличными* *путями*. Выход самими движется вперед *политических* *идеями* и в особенности *смыслах* *юридических*, как *меньше* *приводить* к *сознанию* и *выходить* на *свет* *таких* *народных* *ожиданий* и *требований*, которые, *закрепая* и *обеспечивая*, *заставят* *идти* *на* *жизнь* *справедливости* *юридическое* *надевание* *справости*.

Правительственные режкины — груба, тупа, но не глубока. Она сама такя неустойчна въ убѣжденіяхъ, такя колеблется, бываешь въ нѣколькодневномъ скорѣ, что въ ней вообще ничего нѣтъ ни глубокаго, ни прочнаго. Въ послѣднее время явился ей товарищъ, который хотя кого замедаетъ въ дѣлѣ. Съ нимъ въ попутчикъ въ режкинѣ, какъ джонсина партія далеко не уйдетъ.

Оставивши общаго проливнаго медуза. Поешь слышно, асть работы подъ земли, другая медузочка по своей похотиности и размычачности, потому что она дежитъ въ болотности некая положенія, въ которую Россія стрелится дуломъ. Само правительство, не чувствуя, двается въ лавина по тому же слыно, твердо укреповое въ своей другой принадлежости.

Многие считают, что прогресса не жаль, да и мы ври-
млю его искать. Умственные и дѣловые тѣлы перемѣ-

№ 1 от 1-го января 1868 г.

№ 1 от 1-го января 1868 г.

На другой стороне оценка листа формата ваших «Былое и думы» для Miss Meysenboug². Будьте добры переслать ее ей и сказать, что образчики шрифтов она найдет в 7 № французского «Колокола», а именно: № 10

* бандеролью (франц.).

«Pièce justificative»* и № 9 «De Londres. Faits divers»**, № 9 «De Bâle—Karazine»***. Последний самый сжатый шрифт и поэтому всего больше—стоит дороже². Чтение Давида³ заключается в этой цене, но нет авторских поправок, которые нельзя вперед обозначить. Впрочем, он не должен быть значительным, если рукопись была прежде пересмотрена.

Прощаясь с вами, я <у> вас просил 500 франков к 1 мая из отложенных вами 1000 франков на черный день для меня. Я забыл, что к 1 мая, кроме обеих квартир, приходится еще заплатить в Базеле 200 франков за шрифты. Если вам все равно, то будьте добры написать Тхорж<евскому>, чтоб он выслал мне все 1000 франков к 30 апреля⁴. В этот день срок для Базеля.

Наш поклон Наталии Алексеевне с Лизой, и вам тоже дружески кланяемся.

Л. Чернецкий

¹ Очерк А. И. Герцена «Император Александр I и В. И. Каразин» был впервые напечатан во втором выпуске седьмой книги «Полярной звезды» и затем, во французском переводе, в №№ 6—8 «Kolokol» за 1868 г.

² В типографии Чернецкого был напечатан первый том «Мемуаров идеалистки» М. Мейзенбуг (на франц. яз.).

³ Давид — Данич, наборщик типографии. Он же читал первую корректуру.

⁴ По поводу этой просьбы Чернецкого Герцен писал Огареву 22 апреля 1868 г.: «Что за милейший необыкновенник Чернецкий, *der edle Exploiteur* ****. В чувствительном объяснении в день отъезда он просил к 1 мая 500 фр<анков> *вперед*. Я сказал, что это невозможно, но что я готов дать ему <...> 500 из последней 1000, подаренной мною или отложенной для него. Он помялся и согласился. Работой завален. Делает мало. Вчера от него письмо, — просит к 1 мая не 500, а 1000. Я решительно не дам больше 500. Он оборвет меня» (XX, 258).

9

ГЕРЦЕНУ

<Женева.> Воскресенье. 26 апреля 1868 г.

Дружеское письмо ваше от 23 числа получил¹. Сегодня я написал Н. П. Огареву о вашем *leading article* ***** и С. Т<хоржевскому>, чтоб он вам выслал вместе с «Голосом» тот номер «Колокола», в котором описано почтенное русское семейство на станции железной дороги в Лозанне.

Остается еще уверить вас, что, имея я и на 100 000 франков работы, то без запасного капитала, как я это старался объяснить вам при прощании, я ничего не сделаю, особенно, если приходится из заработка уплачивать старые долги — как проценты в здешнем банке 161 франк, акции Касаткина, шрифты из Базеля, шрифты из Лондона. Вот вам новое доказательство, что всякое заведение, особенно типографское, постоянно нуждается в запасном капитале. Третьего дня здешний издатель по религиозной части, в роде Геев, г. Леруа, увидев в «Колоколе» объявление о лондонских шрифтах, пришел дать напечатать два тома в 20 листов каждый, но оказалось, что шрифта, которым печатаем *leading articles* в французском «Колоколе» и который ему понравился, очень мало для этого предприятия. Будь у меня 16 фунтов стерлингов послать Кеслену на прежний долг, я бы сейчас заказал больше. Без этого нельзя.

Прося же <у> вас теперь вместо 500—1000 франков, которые вы отложили для меня, я действительно имел в виду оставшееся от них послать Кеслену и искренно думал, что вам все равно, возьму я их сегодня или

* «Оправдательный документ» (франц.).

** «Из Лондона. Происшествия» (франц.).

*** «Из Базеля — Каразин» (франц.).

**** благородный эксплуататор (нем.).

***** передовой статье (англ.).

через десять лет; несчастье мое, что, прощаясь с вами и прося только 500, я забыл совершенно базельскую уплату к 30 апреля, вследствие чего вы, естественно, заключили, что этот мот Чернецкий, пожалуй, всякий месяц будет просить по 1000 франков².

Все-таки дружески вам кланяюсь и Наталии Алексеевне с Лизой.

Л. Чернецкий

Р. С. Приложенное «Смесь» в «Прибавление»³ недостает еще на целую колонну. Написал об этом Н. П. Огареву, послав другую копию ему. *Mise-en-pages** «Русского прибавления» могу вам прислать, но оно тогда не выйдет к 1 мая.

¹ Это письмо, как и другие письма Герцена к Чернецкому, — неизвестно; о содержании его можно судить по письму Герцена к Огареву от 22 апреля 1868 г. (см. примеч. 4 к предыдущему письму).

² 28 апреля 1868 г., очевидно получив публикуемое письмо Чернецкого, Герцен писал Огареву: «Посылаю Чернецкому» 500 фр. Он мне отвечал не грубо, но кисло. Уморительный человек! Да двиньте вы общими силами его на деятельность <...> Он завален работой и не работает, а ждет „запасного капитала“ (XX, 262).

³ Речь идет о «Смеси» «Русских прибавлений к „Kolokol“».

10

~~Герцену~~ Огареву

⟨Женева.⟩ Пятница утром. 1 мая 1868

Только что получил письмо Чаплии с «Заметкой»¹ на место второго письма «Клеветники» и записку к вам.

Так как «Заметка» составит именно то, что нужно для пятого номера «Прибавлений», чтоб взмошла вся «Смесь», то ее я оставил, чтоб сейчас ее набрать.

Таким образом, пятый номер составит: «Письмо к издателю „Колокола“», «Еще прискорбнее», т. е. заметка Чаплии на место второго его письма «Клеветники», и вся «Смесь». В шестом номере к 15 мая будет второе письмо к издателю, которое вчера я вам послал, полученное из Ниццы и набранное уже, второе письмо Чаплии «Клеветники»². Завтра я вам пришлю уже набранную «Заметку».

А пока прощайте.

Л. Чернецкий

¹ О Чаплии см. на стр. 697—699 настоящего тома. Публикуемое письмо написано на письме Чаплии к Чернецкому.

² Намеченное Чернецким распределение материалов пятого и шестого номеров «Русского прибавления» не было осуществлено. «Прибавление» вышло сдвоенным 5-6 номером. В него вошло: первое и второе письмо «К издателям „Колокола“», продолжение статьи Чаплии «Клеветники», его заметка «Еще прискорбнее», а также «Смесь».

11

ОГАРЕВУ

⟨Женева.⟩ 15 декабря 1868 г.

Письмо Вихерского к Трепову¹ составит два листа in gr., 8° (32 стр.). Лист в 500 экз. обойдется в 60 fr. с бумагой. Стало,

два листа à 60 fr.	120
500 обверток, без которых нельзя обойтись при 2 л.,	
платить	16
Брошировка 500 экз.	10

Всего 146 fr.

Кроме авторских поправок, которых не предполагается.

* верстку (франц.).

Факт произвола и гнусного деспотизма, обличенный Вихерским, — один из сотен, которые мне случалось читать в «Дневнике познанском». Тем не менее, если бы у меня были 150 fr., я бы его напечатал на свой счет, так он ясно и просто изложен. Но у меня их нет, и, признаюсь вам, для меня даже трудно дать ему трехмесячный кредит, не потому, чтоб я сомневался в получении, а просто потому, что, расходуя наличные деньги, которых едва хватает, слишком долго ждать на их возврат, пользуясь очень умеренным процентом. Поэтому будьте добры передать ему оценку его рукописи и сказать, что типография почти всегда печатает только на наличные деньги ². А при отсутствии А. И. Герцена очень трудно найти издателя в Женеве.

Впрочем, напишите, как знаете, но для меня очень трудно рисковать 150 fr.

Будьте здоровы.

Чернецкий

¹ Речь идет о статье польского эмигранта Ф. Вихерского «Письмо к генералу Ф. Ф. Трепову». Статья была издана отдельной брошюрой и отпечатана в типографии Чернецкого (Женева, 1869). В «софийской коллекции» сохранился список этой статьи. Отрывок из публикуемого письма приведен в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 738.

² Об отказе Чернецкого печатать брошюру в кредит Огарев известил Герцена: «3-го дня, — сообщал он, — я писал тебе о статье Вихерского и послал его письмо к тебе. Я не навязывал ее Чернецкому, он сам предложил сделать на 3 месяца кредит от типографии <...> Вчера прислал мне расчет в 146 фр. (с бумагой) и отказ печатать в кредит» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 494, с неправильной датой письма: 9, вместо 16 декабря 1868 г.). Герцена заинтересовала статья Вихерского. В письме к Огареву от 17 декабря 1868 г. он дал следующее указание: «Брошюру поляка непременно печатать <...> Никаких стеснительных мер уплаты не нужно. Я Чернецкому заплачу» и далее: «Польскую книгу, т. е. Вихерского, вели сейчас набирать» (XXI, 251, 252). О ходе набора и печатании брошюры Огарев регулярно информировал Герцена, жалуясь на медлительность Чернецкого, который выпустил ее только 25 января 1869 г. (см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 500—502, 505, 508—510; т. 62, 1955, стр. 738—741).

12

ГЕРЦЕНУ

40, Pré-l'Evêque, Genève
8 апреля 1869 г.

Благодаря вас, Александр Иванович, за письмо ваше от 17 марта, мне хотелось вместе написать вам что-нибудь определительнее насчет типографии. Из всех проектов и планов до сих пор ничего путного не вышло, между тем время быстро идет, и 1 мая мы должны переехать на другую квартиру. Типографию же, кажется, можно будет оставить еще на три месяца на том месте, где теперь. Впрочем, на будущей неделе вопрос кооперативной ассоциации с Перрон и К^о должен разрешиться. Сегодня я отдал Мрочковскому ² свои условия для перевода их на французский язык. Как скоро он их переведет, пришлю вам копию с них, а может быть, и окончательное решение.

Не надеясь много на кооперативную ассоциацию, хочу вас просить, когда поедете в Париж, повидаться с Хоецким ³ и Браницким ⁴. Оба они люди влиятельные и имеющие много знакомых в мире литературном, коммерческом и банкирском, особенно в последнем. Не удалось бы ли чрез них достать мне место в конторе для ведения книг, счетов, посылок, что-нибудь. Работу в типографии я бы достал мимо их, но, признаться, после шестнадцатилетнего заключения хотелось бы поискать приключений, немножко свежего воздуха, а может, и тюрьмы, гораздо хуже типографской.

Во всяком случае, пользуюсь вашим предложением 500 франков, которые очень пригодятся теперь, чтоб расплатиться с моими доверителями и переехать на маленькую квартиру.

Весь ваш Л. Чернецкий

Р. S. Получили ли вы шесть экземпляров образчиков шрифтов типографии (каталог), которые я вам послал месяц тому назад по почте *sous bande*?*

* ¹ Шарль Перрон — один из редакторов газеты «L'Egalité», органа женевской секции I Интернационала; редактором ее был в то время и М. А. Бакунин. Чернецкий имеет в виду очередной неосуществленный проект создания совместно с Перроном «кооперативной ассоциации» типографско-издательского характера.

По поводу этого проекта Огарев писал Герцену 28 марта 1869 г.: «Черн^ецкий» приходил вчера также советовать о вновь предлагаемой ему компании на кооперативных началах: известный процент на капитал, а остальной барыш разделяется между рабочими. Компания выбрала своим предводителем некоего Перрон, который пользуется славою человека, коммерчески ловкого и который берет на себя руководство заведения и ответственность за капитал <...> Это мне сказывал Черн^ецкий, говоря, что он ожидает более подробного устава, чтоб присоединиться <...>, но что его больше всего отталкивает то, что это диктатура и что он не может войти в компань, не имея хозяйского голоса» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 542).

² В Мрочковский (1840—1889) — польский эмигрант.

³ О. Хоецком см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 533.

⁴ Граф Ксаверий Брониславович Браницкий (1812—1899) — один из руководителей польской аристократической эмиграции.

13

ОГАРЕВУ

<Женева.> Пятница утром. 16 апреля 1869

Вчера я не успел зайти к вам, чтоб вас поблагодарить за дружеские замечания ваши. Разумеется, вы совершенно правы насчет первого пункта, но не надо забывать, что это только проект условий и что прежде подписания контракта я не буду довольствоваться одними словами, а потребую доказательств капитала или равносильной ему гарантии. Насчет фирмы типографии, я не знаю, право, может ли устранение моего имени в ней устранить ответственность мою, условленную контрактом? Между тем, приобретши уже маленькую польскую клиентелу и отношения, разославши мой каталог, я все-таки надеюсь от времени до времени получать маленькие работы. Я вовсе не обладаю чувством пустого ваниитета**, доказательством этому мой тринадцатилетний тихий труд в деле русской пропаганды. Никто не знал Чернецкого, а знали Вольную русскую типографию, представляемую сначала А. И. Герценом, а после — Н. П. Огаревым, и все шло прекрасно. Но Искандеров и Огаревых не бог знает какая пропасть в мире, поэтому, заключая контракт в предполагаемом предприятии Перрона, я не поступлюсь этим параграфом ни за что. Назовите это, если хотите, ванитетом, но у меня есть причины на это, со временем вы их узнаете¹.

Когда будете писать в Ниццу, присовокупите приложенные при этом мои условия или проект условий².

Если успею, постараюсь зайти к вам сегодня вечером, а пока дружески кланяюсь вам.

Л. Чернецкий

¹ 18 апреля 1869 г. Огарев сообщил Герцену о переговорах Чернецкого с Перроном: «Зато тебе проект Чернецкого, на который никто не согласится <...> Он мне прислал (совета ради) первую французскую рукопись <...> Что же касается до его, Чернецкого, шефства, то оно только вводит его в лишнюю и невозможную ответственность.

* бандеролью (франц.).

** тщеславия (от франц. «vanité»).

Я ему писал, что лучше бросить все маленькие ваникеты и именно войти в согласие, где можно жить сыто и спокойно» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 552).

² В это время Герцен находился в Ницце. Просьбу Чернецкого — переслать Герцену проект соглашения с Перроном — Огарев выполнил (см. цитированное в примеч. 1 письмо Огарева Герцену).

14

ГЕРЦЕНУ

40, Pré-l'Evêque, Genève
27 апреля 1869

Вчера только получил ответ Perro на мои условия, прождавши на него почти *две недели*. Оказывается, что у него нет никакого капитала, между тем в письме своем говорит, что он предполагал скорее купить типографию, чем входить в кооперативную ассоциацию. Кроме того, он предлагал купить типографию Blanchard'a, но все-таки без капитала, — словом, это настоящий «humbug»*, несмотря на то, что он закадычный друг М. Б. и В. М.¹, которые мне его рекомендовали как своего человека, отличнейшего и прекраснейшего.

Итак, как я вам писал, что мало надежды на кооперацию отличнейших людей, все оправдалось, к моему сожалению, и вдобавок я очутился на улице, потому что Тхоржевский, которому вы поручили передать мне 500 франков, вместо к 12 мая, может возвратиться к 12 июня. Но делать нечего. На улицу выбросить меня не могут, если заплачу за 3 месяца, оставшись хотя бы одну неделю после 1 мая.

Относительно оценки типографии в 10 тысяч, она вовсе невысокая для ассоциации². Не забывайте, что с переезда в Женеву выписано от Кеслона и из Базеля одних французских шрифтов на пять тысяч франков. Кроме того, есть еще русские и машины и станки, — словом, весь прибор. Мне недавно случилось видеть счет за шрифты на два листа in 8° «Народного дела»³ в две тысячи франков. А у нас русского шрифта на десять листов.

Конечно, продавая на наличные деньги, я отдам за пять тысяч франков и вдобавок у покупателя руку поцелую.

В предполагаемых вами работах и об аккуратном исполнении их нечего писать, потому что сомневаюсь, в состоянии ли я буду начать их. А вот о поездке вашей в Париж усердно вас прошу. Везде поеду, кроме Галиции и Америки. Непременно хочу выучиться французскому языку. А после хотя бы и в Москву работать на железной дороге Ротшильда⁴ или Александра Николаевича⁵, все равно.

Н. П. О<гарева> я посещаю почти всякий вечер. Ничего особенного, жалуется только, что его находят всякие молоканы и мясоеды⁶. На прошлой неделе он был болен, но припадок был вовсе не сильный. Вообще мне кажется, что его здоровье лучше.

Вчера он мне говорил, что вскоре ожидает вас в Женеве, т. е. в половине мая, а может быть, и раньше. Тем лучше.

А пока прощайте.

Л. Чернецкий

Дамам поклон от нас обоих.

¹ М. Б. — Михаил Бакунин; В. М. — Валерьян Мрочковский.

² В цитированном выше письме от 18 апреля 1869 г. Огарев писал Герцену: «Своей типографии Чернец<кий> не имеет права ценить в 10 тысяч» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 552). Очевидно, Герцен был того же мнения.

³ «Народное дело» — журнал, издававшийся в Женеве с сентября 1868 г. по сентябрь 1870 г. группой представителей «молодой эмиграции».

⁴ Герцен предпринял, повидимому, в это время какие-то шаги, чтобы помочь Чернецкому осуществить это желание; но устроить Чернецкого на железной дороге ему

* «хвастун» (англ.).

не удалось. В письме к Н. А. Тучковой-Огаревой из Парижа Герцен писал: «На железной дороге нет для Чернецкого места: Ротшильд не определяет никого старше 35 лет» (XXI, 427).

⁵ Александр Николаевич — Александр II.

⁶ Имеется в виду Николай Алексеевич Шевелев (см. о нем ниже, на стр. 708—711 настоящего тома). В 1868—1869 гг. Шевелев жил в Женеве. О нем ходили упорные слухи, как об агенте русской полиции. Шевелев — автор книги «Вероисповедание

Preis : 50 centimes.

Genève, le 15 Février 1869.

SUPPLÉMENT DU

KOLOKOL

(LA CLOCHE)

Terre et Liberté!

Vivez Vous!

REVUE DU DÉVELOPPEMENT SOCIAL, POLITIQUE ET LITTÉRAIRE EN RUSSIE.

Les collections de «Kolokol», russe et français, depuis 1857, plus ou moins complètes, se trouvent au dépôt principal chez H. Georg, Libraire, Toutes demandes et lettres pour le «Kolokol» doivent être adressées (Russie) à M. B. TCHERENTSEV, Genève (Suisse).

Le Dépôt principal, en Suisse, est chez H. GEORG, 30, Courtoise, Genève. En France, Librairie INTERNATIONALE, 11, Boulevard Montmartre, Paris. En Angleterre, chez M. TAYLOR & Co, 57, Paternoster Row, Londres.

SOMMAIRE : Mon assassin futur et son calendrier. — Réponse à M. G. Wyssendoff. — Copie et Vous (Fragments des Miroires d'Alexandre). — Documents et papiers de prison Pierre Dolgoroukoff. — Éloge à sa mort. — Annonces.

MON ASSASSIN FUTUR
ET
SON CALENDRIER (*)

Depuis quelques années nous avons cessé de recevoir des lettres de menaces et d'objurgations. C'était un mauvais signe pour notre propagande; mais, comme fiche de consolation, au moment même du dernier branle de notre *Cloche*, on nous envoie, de la «ville éternelle», une lettre non signée, que nos lecteurs apprécieront eux-mêmes.

D'abord, voilà l'original dans toute la splendeur de sa syntaxe.

1596 nombre.

M. G.

Безъ Вы и Ваши сообщенія не perspective имать дурного противъ Россіи и добрыхъ людей казаться только изъ денегъ, только такія вещи вы можете хорошее толкъ только изъ денегъ, то давайъ выхъ съему чертъ годъ Россіи не станеть и тогда выхъ должиъ трудъ отъложитъ съему выхъ. Вы зарокъ годъ выбухъ выхъ бѣжущую собору.

N. N.

Завѣрите число, только четыре числа отъсчете.

Sur l'enveloppe: Salome, Genève

M. le Rédacteur de la Gazette d'Alsace

M. Herzen

(Timbre de la poste) : Rome, 27 Novem. 1868.

(*) J'ai trouvé cette lettre en venant de Zurich à Genève, le 2 décembre — trop tard pour l'insérer dans notre dernière feuille.

Tâchons de traduire mot à mot ce galimatias de notre farouche, mais peu lettré, assassin, sans en perdre le filon et le bouquet.

« Monsieur,

« Si Vous et Vous complices ne cesserez d'écrire de mauvaises choses contre la Russie et calomnier les bonnes et honnêtes gens pour de l'argent — comme aussi les bonnes choses que Vous écrivez sont écrites pour de l'argent — nous Vous donnons notre parole que dans une année Vous n'existerez pas, et que votre cadavre d'animal impur, en putréfaction, sera enfoui dans la terre comme un chien enragé.

N. N.

« Renarkuez la date, il ne reste que quatre mois. »

Ce n'est pas beau, mais c'est fort. Nous n'avons rien à ajouter à ces lignes et pourtant il y a deux choses qui m'intriguent individuellement, moi le futur assassiné. Pourquoi, lorsqu'on se met sur un tel pied d'intimité avec un individu, qu'on lui promet de l'assassiner derrière un mur et de lui préparer l'enterrement d'un chien enragé, pourquoi alors le grand V aux pronoms qui s'adressent à lui ?

La seconde chose manque complètement de clé. C'est le terme d'une année que nous donne le tueur

**ФРАНЦУЗСКОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ К ИЗДАНИЮ «КОЛОКОЛА»
НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ ОТ 15 ФЕВРАЛЯ 1869 г.**

Первый и единственный вышедший номер прибавления

духовных христиан, обыкновенно называемых молоканами» (Женева, Вольная русская типография, 1865). В герцено-огаревской переписке он упоминается под именем «молокан» (ср. XX, 300; «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 483, 486, 488).

15

ОГАРЕВУ

«Женева. Между 17—20 августа 1869 г.»¹

Вчера я был у вас. Вопрос о равенстве, наконец, решен, т. е. о «Egalité». В среду я должен заключить контракт с ними². А знаете, кто еще

заключил контракт, но другого рода и гораздо выгоднее? — Серно-Соловьевич угорел себя. Перрон нашел его уже разлагающимся! Недаром он сидел некоторое время в доме сумасшедших. Воля вольная.

¹ Время написания записки устанавливается по встречающемуся в ней упоминанию о самоубийстве А. А. Серно-Соловьевича, который покончил с собою 16 августа 1869 г. Окружающие узнали о смерти Серно-Соловьевича лишь несколько дней спустя после самоубийства, но, вероятно, не позднее 20 августа, так как 22 августа Герцен, находившийся тогда в Париже, уже знал о случившемся.

² Контракт заключен не был: см. прим. 1 к письму 12.

16

ГЕРЦЕНУ

40, Pré-l'Evêque, Genève
31 октября 1869

Сегодня почти три недели, когда я вам рассказал со всей точностью о делах типографии и окончил письмо просьбой решить как можно скорее: нужна ли вам она, или нет ¹, потому что, кроме Данича, есть еще батырщик ², у которого есть работы на неделю-две и которого нужно предупредить во-время.

Может быть, я неясно пишу по-русски или срок двух недель был недостаточен для вас, чтоб решить вопрос. Но как бы то ни было, мне пришлось плохо за все это, т. е. пришлось остаться в Женеве еще три месяца, не имея ни для себя, ни для двух товарищей никакой работы.

Вчера только, как бы в утешение, Тхоржевский передал мне, что вы придумываете какую-то работу. Работа никогда не повредит, особенно теперь, когда нет копейки на черный день.

Но главное для меня — ваше решение: нужна ли нам типография или нет. Если нужна, я вам ее отдаю за 5000 франков, считая 5000 франков, полученные от вас в продолжение этих пяти лет как субсидия, т. е. я ее ценю в 10 000 франков.

Не нужна, — ее придется продать с аукциона, объявивши себя банкротом. Другого выхода нет.

А пока присылайте всякую работу, какая вам попадется, и решитесь, наконец — так или иначе, не забывая, что теперь я уже стар для всех Ротшильдов и железных дорог, а может быть, и для компании водородного освещения ³, а что будет через два-три года? Сторожем, разве, придется умереть у какого-нибудь буржуа.

Будьте здоровы.

Л. Чернецкий

Р. С. Тхоржевский выплатил мне вчера 70 франков, которые вы поручились за Бакунина, бывши здесь летом, а другие 70 франков, которые он остался мне должен, уехавши отсюда третьего дня, вероятно, пропадут ⁴.

¹ Герцен не имел желания снова стать владельцем типографии. «Типографии покупать не хочу, — писал он Огареву 14 ноября 1869 г., — я просил пока Тхоржевского дать Чернецкому аванс 500 фр., потом увидим. Да пусть он продает, если может, все за 4000» (ХХІ, 525). И в другом письме от 15 декабря того же года: «Чернецкому» я пишу с Тхоржевским». Разумеется, что я не куплю типографию ни в каком случае, и, разумеется, что он имеет право ее продать <...> Я предлагаю ему пока до работы платить по 100 фр. в месяц от себя» (ХХІ, 537).

² Батырщик, или батырь — название типографского рабочего, занятого накаткой краски на набор. В современных типографиях, оборудованных усовершенствованными печатными машинами, эта должность упразднена. Надо думать, что в скромной типографии Чернецкого батырщик и печатник объединялись в одном лице.

³ Очевидно, Герцен хлопотал о работе для Чернецкого у своего старого приятеля — химика Тесье дю Мотэ, в те годы занимавшего пост директора газовой компании в Париже. «Чернецкий», — сообщал Огарев Герцену в Париж 2 октября 1869 г., — беспокоится о том, чтоб оставить типографию, и тоже, вероятно, будет к тебе писать; кажется, хотел бы поместиться у Тесье» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 559).

⁴ На обороте письма цифровые выкладки, написанные Герценом.